

Нигма был безумцем, но не в привычном понимании этого слова.

Конечно, он был болен — как минимум, страдал обсессивно-компульсивным расстройством. И, подобно большинству заключенных, когда-то томившихся в Аркхеме, он был своеволен, презирал закон и ни во что не ставил человеческую жизнь. Однако Нигма лишь презирал ее, он не находил удовольствия в садизме.

По правде говоря, его преступления в значительной степени совершались лишь ради того, чтобы потешить собственное эго или просто развлечься.

В любом случае, он не из тех, кто в старости внезапно меняется и решает стать детоубийцей.

Так что цели, с которыми он похитил Джеймса и Рида, выглядели весьма интригующе. Впрочем, эти вопросы пусть решают взрослые, а сами мальчики в этот момент были заняты битвой с двумя огромными порциями ледяного вальса.

Это был десерт из трех гигантских шариков мороженого разных вкусов, уложенных друг на друга. Внизу лежали кусочки охлажденных фруктов, политые газировкой, сверху на ванильном шарике возвышалась гора взбитых сливок, все это было залито шоколадным сиропом и украшено листиком свежей мяты. Устоять перед таким ребенку было просто невозможно, и каждый родитель прекрасно это знал.

— Ешьте, Джим, я не собираюсь вас травить, — с иронией произнес Нигма, обращаясь к Джеймсу.

После минутного колебания Джеймс и Рид взяли ложки и приступили к десерту. Нигма же заказал кофе и сел напротив с таким непринужденным видом, будто только что не раскрыл свою личность и не похитил двоих детей.

Разумеется, его страсть к болтливости никуда не делась.

— За свою жизнь я совершил немало великих свершений, но случались и досадные провалы. У меня были достойные враги, хотя в большинстве случаев остальные вокруг были просто идиотами. Мир постоянно меняется, а я старею, и из-за некоторых превратностей судьбы выгляжу даже старше своих лет. Но я все еще ищу мудрость этого мира и, не побоюсь этого слова, кое-чего достиг.

— У меня осталось не так много времени. Хотя, конечно, я мог бы найти способы избежать смерти — при моем-то интеллекте это было бы хлопотно, но вполне возможно, — однако я этого не сделал. Знаете почему?

— Все мертвы. Все до единого. Глупцы, умники, герои, преступники и даже обычные люди — все они мертвы. Кто теперь помнит о том, что было тогда? Кто знает о нашем существовании?

Ну, разве что по паре строк в газетах или интернете? Мое бытие нельзя описать таким дырявым языком!

— Это был закат целой эпохи, я знал это, знал еще очень давно. Столько блеска, столько величия, столько мудрости и историй — вы даже представить себе не можете, какие подвиги совершались в те времена. И я был одним из них. В том ярком, многогранном мире я даже в стенах Аркхема умудрялся находить интерес и азарт.

— А теперь... ничего не осталось. Даже врагов, — голос Нигмы внезапно стал невероятно подавленным.

Двое маленьких детей сейчас не могли понять этих чувств, но однажды они осознают, каково это — видеть, как твой мир исчезает, как даже враги превращаются в дым, как твоя эпоха забывается, вытесненная на задворки истории, чтобы в конце концов рассеяться в нескольких сухих строчках текста.

Это была не ярость, не печаль и не отчаяние, а... бесконечная усталость и вздох. Собственное существование потеряло всякий смысл, превратив его в живой реликт ушедших времен. Его напарники, противники, все, кто был с ним связан, — в другом мире, так зачем же ему оставаться здесь? Зачем продолжать оплакивать прошлое?

— Я мог бы попытаться уничтожить этот мир, но какой в этом толк? — дряхлый старик посмотрел на морщинистую кожу своих ладоней и пробормотал: — И какой в этом смысл? Бэтмена давно нет, Лиги Справедливости тоже, некому меня остановить. Я даже не могу использовать это, чтобы позлить своих сокамерников — их всех нет, никого не осталось.

Нигма наконец выговорился. Когда он поднял взгляд, двое беззаботных мальчишек уже доедали мороженое до последней капли. Ему показалось, что он метал бисер перед свиньями, и его искреннее признание пропало даром!

Он закатил глаза и раздраженно бросил:

— Хотя, возможно, я скоро последую за ними, но прежде я обязан найти наследника своего интеллекта. Мои труды, мои исследования не могут просто так кануть в лету!

— Значит, ты собираешься вырастить маленького Загадочника? — склонив голову, спросил Джеймс.

— Можешь называть это так. Наткнулся на вас я случайно, но должен признать, иногда судьба преподносит именно такие сюрпризы. Сначала я присмотрел Рида, но теперь вижу, что и ты неплох. Воспитать двоих — не проблема, у меня достаточно средств, чтобы обеспечить вас обоих, — уверенно заявил Нигма. — Мои преемники, мой последний дар этому миру — мои маленькие Загадочники!

...Так вот в чем цель этого типа? Похитить чужих детей, чтобы сделать их своими наследниками?

— Но у меня есть мама и папа, — растерянно пробормотал Рид.

Выражение лица Нигмы стало угрожающим. Сквозь зубы он процедил:

— Нет, их больше нет. С сегодняшнего дня вы — мои ученики. Я буду растить вас, учить вас, пока вы не станете соответствовать моим требованиям. Сегодня ночью мы улетаем, я отвезу вас на свою базу, там вы и вырастаете.

— Почему бы тебе не завести своего ребенка? — невозмутимо спросил Джеймс.

Нигма приподнял бровь:

— Это две разные вещи! К тому же, Бэтмен мог растить Робина, почему я не могу растить маленьких Загадочников? Вы доели? Пойдемте в мое временное убежище, дождемся ночного рейса. Не бойся, Спенсер, как мой ученик, ты обязательно добьешься успеха. Весь мир станет твоей ареной, вы сможете делать все, что захотите!

В ответ Джеймс лишь презрительно скривился, а глаза Рида наполнились слезами.

Ничего, время еще есть, молча убеждал себя Нигма. Время еще есть, у него будет предостаточно возможностей исправить их мышление. Эти дети рано или поздно поймут, что именно он — единственный, кто прав.

Когда дети исчезли, миссис Рид, вернувшись домой и увидев учиненный разгром, едва не сошла с ума.

Она немедленно вызвала полицию и позвонила мужу, который был на работе. Конечно, пришлось позвать и Кларка с Брюсом.

Среди осколков ваз лежал окровавленный нож, рядом валялись порванные детские вещи, а кровавый след тянулся от бассейна к стене — словно кто-то маленький, охваченный ужасом, пятился назад.

Все это действовало на и без того расшатанные нервы миссис Рид. Она закричала, и мистер Рид, сам бледный от боли и отчаяния, увел ее прочь. Кларк остался отвечать на вопросы полицейских, а Брюс присел в стороне, осматривая место происшествия.

— Есть выводы? — Кларк поправил очки, подошел ближе и тихо спросил, наклонившись к самому уху.

— Вернемся — обсудим, здесь не место, — хмуро ответил Брюс.

Картина была очевидной, даже для рядового полицейского: двое детей были захвачены преступником с ножом, затем кто-то ударил нападавшего вазой сзади, возможно, этот же человек и увел детей. Позже преступник пришел в себя и поспешно покинул дом, оставив следы.

А вот второй человек, тот, кто атаковал первого и, скорее всего, забрал детей, не оставил почти никаких улик. Даже свои следы он стер, а отпечатки пальцев найти вряд ли удастся.

Первый был дилетантом, второй — явно опытным профессионалом.

Дети, скорее всего, у второго, и это сильно усложняло поиски, особенно при отсутствии других зацепок. Полиция решила просмотреть записи с камер видеонаблюдения, но Брюс не питал на этот счет особых надежд.

Вернувшись в дом, Брюс прошел в комнату Джеймса и легко нашел на кровати тот самый блокнот — он лежал с загнутой страницей, так как мальчик был взволнован и уходил в спешке.

Сначала он открыл страницу с описанием незнакомца в очках, едва заметно нахмурился, а затем перелистнул на предыдущую страницу, где были записаны четыре пункта, особенно последняя загадка.

Зрачки ледяных глаз сузились, дыхание на мгновение участилось, а затем с той же скоростью пришло в норму. Пальцы Брюса скользили по гладкой бумаге, его мозг работал с невероятной скоростью.

Никто не знал Загадочника лучше него. Нигма не был убийцей и не питал особого интереса к детям. Маловероятно, что он похитил их, чтобы причинить вред. Значит ли это, что Нигма узнал их с Кларком личности и хочет использовать детей как рычаг давления?

Нет, в таком случае Нигма не стал бы трогать Рида. Наоборот, в его стиле было бы оставить Рида, чтобы тот передал послание — скорее всего, очередную загадку в качестве вызова.

Даже если Нигма похитил Джеймса, чтобы угрожать ему, он не стал бы вредить восьмилетнему мальчику, не встретившись с самим Брюсом, ведь причинять боль, когда Брюс этого не видит, было бы бессмысленно.

Предварительный вывод: дети у Загадочника, и пока они в безопасности. Возможно, Нигма даже спас их, мотивы неизвестны, и лишь в малой степени это может быть связано с раскрытием их личностей.

— Загадочник, — Брюс показал Кларку блокнот.

— Он что, последовал за нами? — голос Кларка стал на несколько градусов ниже, выдавая его состояние.

— Не факт, что он охотится за нами. Но я помню, что Нигма был в том расстрельном списке...

Это было время, когда один диктатор, возомнивший себя богом, вершил свой произвол. Правительство начало массовые казни особо опасных преступников. Аркхем, конечно, не остался в стороне, особенно учитывая, что он находился в зоне контроля Бэтмена — этих безумцев никто не собирался щадить.

Стоит помнить, что Джокер вышел именно из Аркхема, а Супермен в то время ненавидел все, что было связано с Джокером.

Бэтмен, возглавлявший тогда сопротивление, выбивался из сил. Герои, стоявшие на его стороне, гибли один за другим. Он не мог прорвать оборону правительственных войск, чтобы спасти узников Аркхема, да и не мог бросить повстанцев ради кучки сумасшедших.

Сообщение о массовой казни в Аркхеме пришло к Бэтмену вместе с тем самым списком смертников. От знакомых имен у него перехватило дыхание. Руки в черных перчатках так сильно сжали тонкие листы бумаги, что те деформировались, а буквы расплылись.

Брюс не мог ошибиться — каждое имя из того списка было выжжено в его памяти. Имя Эдварда Нигмы стояло последним на второй странице.

— Первых нескольких казнили, когда я был на месте, но потом мне пришлось уйти, — тихо произнес Кларк. — При интеллекте Загадочника, возможно, он придумал способ избежать казни, заставив всех поверить в свою смерть.

— Я должен связаться с миссис Рид, — после долгого молчания жестко сказал Брюс.

Прошлое — это незаживающая рана. Сколько бы времени ни прошло, стоит лишь коснуться ее, как боль возвращается с новой силой. Появление Загадочника было подобно призраку, который наконец обрел плоть, напоминая о каждой боли, пережитой в те дни.

<http://bllate.org/book/18899/1847577>